

УДК 82.091

Илья Владимирович КУЗНЕЦОВ, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарного образования Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования, г. Новосибирск

Пространство романа «Господа Головлевы»

В статье рассматриваются особенности хронотопа поместья Головлево в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

Ключевые слова: хронотоп, символическое пространство, эмпирическое пространство.

Ilya V. KUZNETSOV, Doctor of Philology, professor, Department of Humanities Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute, Novosibirsk

The Space in The Golovlevs

The article discusses the features of chronotope in the estate Golovlyovo of Michail Saltykov-Shchedrin's The Golovlevs.

Keywords: chronotope, symbolic and empirical space.

Художественный мир М. Е. Салтыкова-Щедрина выделяется своей особенностью в контексте творчества русских классиков XIX века. Понятно, что мир произведения *в принципе нельзя* путать с подлинным, эмпирическим миром, потому что он искусственный, созданный писателем с определенными задачами. Однако мир Салтыкова-Щедрина — подчеркнуто искусственный. Если у А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого жизнь воспроизводится по-разному, но в ее собственных формах, то у М. Е. Салтыкова-Щедрина эти формы достигают такой степени гротескного укрупнения и заострения, что утрачивают исходное содержание и становятся пародией на жизнь. Говоря точнее, по видимости жизненные формы приобретают отчетливо *неживое* и даже *противное живому* содержание.

В частности, это касается формы пространства, как одной из основных категорий осмысления действительности. Особость пространства наиболее явственно проступает в таких произведениях писателя, как «История одного города» и «Господа Головлевы». Образы соответственно города Глупова и поместья Головлево оказываются не только пространственными точками, но специфическими хронотопами, родственными между собой. Мы остановимся на втором, позднейшем из названных произведений.

Поместье Головлево представлено в романе как центр мира. В этом смысле оно несколько отличается

от города Глупова, который не только центр мира, но и, вообще, единственная реальная точка пространства, тогда как все остальные хронотопы, включая Петербург, не имеют никакого отношения к действию и потому существуют как абстрактные и фантастические. В «Господах Головлевых» другие хронотопы вполне реальны: в Петербурге служили дети Арины Петровны, в Москве находится дом, который Степан получил в наследство и промотал. Однако Головлево по мере развития действия все больше теряет связь с остальной жизнью. «Всякая связь с внешним миром была окончательно порвана. Он не получал ни книг, ни газет, ни даже писем», — говорится о Порфирии Владимировиче уже в третьей из семи глав романа «Семейные итоги» [2, с. 111]. При этом пространственная центростремительность действия, обеспечивающая концентрацию событий вокруг Головлева, такова, что хронотоп поместья организует судьбы связанных с ним персонажей. Поместье структурирует пространство и время романа и является центром притяжения для каждого из членов семейства.

Попробуем разобраться, каково смысловое наполнение пространственного образа головлевского поместья. Прежде всего, рассмотрим его как пространство, так сказать, **эмпирическое**. В этом статусе оно изображено писателем так, что вызывает беспросветное уныние. Это «сумеречная» реальность, застывшая в своей внутренней аморфности. В этой реальности нет

координат, нет верха и низа. Например: «серое, вечно слезящееся небо осени давило его (Степана — И. К.). Казалось, что оно висит непосредственно над его головой и грозит утопить его в разверзнувшихся хлябях земли» [2, с. 47]. «Хляби земли» — это рассчитанный контраст с ожидаемой идиомой «хляби небесные», указывающий на деструктурированность головлевского пространства. «Сумеречно» и время Головлева: для вернувшегося сюда Степана «потянулся ряд вялых, безобразных дней, один за другим утопающих в серой, зияющей бездне времени» [2, с. 29]. «Сумерки» охватывают как настоящее, так и прошлое (в воспоминаниях Арины Петровны «все сумерки какие-то»), и будущее («сумеркам, которые и без того окутывали Иудушку, предстояло сгущаться с каждым днем все больше и больше»). Наконец, перед смертью Степан «погрузился в безрассветную мглу, в которой нет места не только для действительности, но и для фантазии. Мозг его вырабатывал нечто, но это нечто не имело отношения ни к прошедшему, ни к настоящему, ни к будущему» [2, с. 54]. Как видно, аморфность одерживает верх над всеми формами и пространства, и времени. Про того же Степана: «Перед ним было только настоящее в форме наглухо запертой тюрьмы, в которой бесследно потонула и идея пространства, и идея времени» [2, с. 49]. Нетрудно увидеть здесь реминисценцию образа вечности, как «бани с пауками», несколькими годами ранее посетившего другого известного литературного персонажа.

Охарактеризованная аморфность дает повод усомниться в самом статусе реальности эмпирического пространства. Описание кончины брата Степана, Павла, описано схожими средствами: перед ним происходит шевеление тьмы, полос света и тени, из которых материализуется inferнальная фигура Иудушки. По-видимому, правильнее видеть в Головлеве пространство **символическое**, и его символизм весьма демонстративен: поместье Головлевых — это **царство смерти**. Целый ряд героев романа в определенные моменты отчетливо это осознает. *Аннинька*: «Головлево — это сама смерть, злобная, пустоутробная; это смерть, вечно поджидающая новую жертву» [2, с. 272]. На *Степана* вид усадьбы произвел «действие медузиной головы. Там чудился ему гроб. Гроб! гроб! гроб! — повторял он бессознательно про себя» [2, с. 29]. Повествователь комментирует водворение Степана во флигеле: «Двери склепа растворились, пропустили его, и — захлопнулись» [2, с. 29]. Об Иудушке в предпоследней главе прямо говорится: «наполненный прахом гроб» — таким его видит *Евпраксеюшка*. *Аннинька* в одном из разговоров с Порфирием жалуется: «Что у вас делать! Утром встать — чай пить идти... за завтраком — вот обедать накрывать будут... ужинать и спать... умрешь у вас!» — «И все, мой друг, так делают» [2, с. 173], — совершенно искренне говорит Иудушка. «Умертвия» в головлевском мире — явления повседневности. И сама центропритягательность головлевского пространства

связана с тем, что персонажи являются сюда с заведомым итогом: они приходят умирать.

Однако смертоносность, точнее *выморочность*, Головлева в художественном мире романа не остается в пределах простого противопоставления *живое / неживое*. Головлево активно осмысливается писателем в категориях **проклятого места**, то есть прибежища нечистой силы. На это указывает целый ряд признаков. Из Головлева нельзя выбраться, разве что ценой дьявольской сделки, которая все равно не отменит сути положения: так, Степан, обдумывая возможности освобождения, констатирует: «либо проклятие на себя наложить приходилось, либо душу черту продать» [2, с. 31]. Те, кому удастся покинуть эмпирические пределы Головлева, все равно несут на себе его печать: они либо возвращаются (*Аннинька*), либо погибают в другом месте (сыновья Иудушки, *Любинька*). Арину Петровну ее муж, явно не имея в виду метафоры, именует «ведьмой», и обещает Степану, что она его «съест! съест! съест!» — в чем Степан и сам не сомневается [2, с. 29]. При этом у М. Е. Салтыкова-Щедрина регулярно используется один и тот же смыслообразующий прием реализации метафоры: устойчивые идиомы, проклятия, прибаутки возвращаются к своему прямому значению. Порфирий Головлев ведь и на самом деле соответствует тем именам, которые ему атрибутируются: «Иуда», «сатана» («прости господи, сатана», как говорит Арина Петровна), «фарисей», «домовой». По мнению родственников, «у него насчет покойников какой-то дьявольский нюх был» [2, с. 147]. Все иносказания в романе обретают реальность. «Когда Иудушка вошел, батюшка торопливо благословил его и еще торопливее отдернул руку, словно боялся, что кровопивец укусит ее» [2, с. 209]. Речь идет, конечно, не о том, что Иудушка и в самом деле мог бы укусить священника, но о «материализации» прозвища «кровопивец».

Роман «Господа Головлевы» ясно показывает, до какой степени остро Салтыков-Щедрин ощущал в современной действительности присутствие демонического начала. Безусловно, Салтыков-Щедрин не был религиозно ангажированным писателем — так, как это можно было бы сказать, хотя и по-разному, о Ф. М. Достоевском или Л. Н. Толстом. Однако даже поверхностная характеристика «Господ Головлевых» свидетельствует о том, что осмысление писателем текущих общественных процессов совершалось в метафизических категориях.

В этом отношении у Салтыкова-Щедрина, как и у его современников, был предшественник, чье творчество задавало соответствующий образец. Речь идет, конечно, о Н. В. Гоголе. Именно у Гоголя впервые в русской литературе осуществилось маркирование определенного пространства как «нечистого». Сначала такое маркирование связывалось с фольклорно-романтической традицией («Заколдованное место»), потом послужило способом указания на присутствие в мире могущественной темной силы (оскверненная церковь в «Вие»),

и наконец, разрешилось демонизацией финансово-бюрократической машины, средоточием которой является Петербург. (Так, в финале «Невского проспекта» сам «демон зажигает лампы, чтобы показать все не в настоящем виде» [1].) В последнем из названных случаев метафизическая «нечистота» лишь концентрируется в петербургском пространстве, однако она разлита во всем воздухе российской действительности. Салтыков-Щедрин, в отличие от его современников, переосмыслил гоголевский посыл: у него центры зла множественны, поскольку Головлево, разумеется, образ типический (и в этом смысле роман вполне укоренен в социально-бытовом жанре).

Пространственные метаморфозы в «Господах Головлевых» разрешаются пустотой. «Безгранично тянущаяся, светящаяся пустота» предстает Степану в видениях его предсмертного бреда [2, с. 50]. Смерть Павла почти точно повторяет смерть Степана. Этот повтор создает ощущение обреченности. Головлевская

усадьба стремительно приходит в запустение. После кончины всех членов семейства в пустоте начинает ощущать себя Порфирий Владимирович. Пустота, равная небытию, — метафизический итог романа. Выморочная действительность оказывается на поверку несуществующей. В этом тоже проявляется опора Салтыкова-Щедрина на религиозный способ интерпретации бытия, где демоническое начало принадлежит не-бытию. Так что при всей видимой необычности, фантазмагоричности, творчество Салтыкова-Щедрина обнаруживает глубокую причастность русской литературно-мировоззренческой традиции.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Повести. М. : Советская Россия, 1986.
2. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы. Сказки. М. : Художественная литература, 1984.

ВИКТОРИНА

Вопросы к викторине, посвященной творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина

1. Какое учебное заведение, в котором он сам учился, М. Е. Салтыков-Щедрин впоследствии назвал «рассадником министров»? (Царскосельский лицей)
2. Членом какого социалистического кружка был молодой Салтыков? (Кружка М. В. Петрашевского)
3. Какой период своего жизненного пути Салтыков-Щедрин считал «великой школой жизни»? («Вятский плен» — почти 8 лет)
4. Как озаглавил свою статью о Щедрина Д. Писарев, отрицавший серьезность и глубину его сатиры? («Цветы невинного юмора»)
5. Какие журналы редактировал Салтыков-Щедрин вместе с Н. Некрасовым? («Современник» и «Отечественные записки»)
6. Знаете ли вы щедринские произведения, заглавия которых начинаются со слова «Господа...»? («Господа Головлевы», «Господа ташкентцы», «Господа Молчалины»)
7. Какое прозвище и за что получил главный герой романа «Господа Головлевы»? (Иудушка — за предательство, как Иуда, предавший Христа, а ласкательный суффикс — за лицемерие и обманно-приторные речи)
8. Создавая образы персонажей этого романа, писатель опирался на свою биографию и на характеры своих родственников. Кого? (Арина Петровна — мать писателя, Владимир Михайлович — отец, Порфирий — старший брат)
9. Какими кличками награждали друг друга члены семейства Головлевых? (Владимира Михайловича жена называла «ветряной мельницей» и «бесструнной балалайкой», детей — «постылыми», Степана — Степка-балбес, Порфирия — Иудушка, кровопивушка, Порфишка-подлец, а мать дети называют «ведьмой»)
10. У кого лицо «было светлое, умиленное, дышащее смирением и радостью», а глаза «источали чарующий...»? (У Иудушки, «яд»)
11. С каким насекомым неоднократно сравнивает автор своего героя-хищника и садиста? (С пауком)
12. В прощальном письме к сыну перед смертью Салтыков-Щедрин писал: «Паче всего люби родную... и звание... предпочитай всякому другому». Какие слова пропущены? («...литературу», «...литератора»)
13. Закончите эту фразу писателя: «Я люблю... до боли сердечной и не могу себя помыслить нигде, кроме...» («...родину», «...России»)

По материалам книги Л. Л. Бельской «Литературные викторины»